

Примечания

¹ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965.

² Бахтин М. Указ раб. С. 166.

³ Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени / Собрал и исследовал Стасов В. СПб., 1877. Табл. 69.

⁴ См. Рабинович М. Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан М., 1964. С. 314—315; его же. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 160, 167—174.

⁵ Диккенс Ч. Наш общий друг / Диккенс Чарлз. Собр. соч. Т. 25. М., 1962. С. 445; см. также рецензируемую книгу. С. 123. Табл. 58, 2.

Языки культуры и проблемы переводимости / Отв. ред. Б. А. Успенский. М., 1987. 255 с.

Сборник продолжает серию изданий, подготовленных Научным советом по истории мировой культуры, как, например, «Из истории культуры средних веков и Возрождения» (М., 1976), «Традиция в истории культуры» (М., 1978), «Художественный язык средневековья» (М., 1982). Центральной для сборника является проблема взаимной переводимости различных культурных языков (кодов), причем перевод осмысливается как конфликтный, противоречивый процесс, в ходе которого генерируются новые значения. Под этим углом зрения рассматривается сложный диалог субкультур в рамках единой национальной культуры — взаимодействие культуры «высокой» и народной, христианской и языческой, борьба различных культурных ориентаций.

Сборник открывается статьей Ю. М. Лотмана «Несколько мыслей о типологии культур», в которой теоретически обосновывается возможность существования бесписьменной цивилизации. Роль письменности в ней выполняли мнемонические средства — естественные и культурные символы, включенные в ритуалы. Согласно утверждению исследователя, «появление письменности не усложнило, а упростило семиотическую структуру культуры» (с. 8). Интересны мысли автора о том, что бесписьменный характер цивилизации подразумевает иную структуру не только коллективной памяти, но и индивидуального поведения, причем особую роль приобретают ритуалы, гадания и приметы.

В статье А. Я. Гуревича «Ведьма в деревне и пред судом (народная и ученая традиции в понятии магии)» на новом материале развиваются идеи его известной книги «Проблемы средневековой народной культуры» (М., 1981). Автор указывает, что массовую охоту на ведьм можно рассматривать только в контексте социально-психологического климата Европы конца XVI—XVII вв., когда массами населения владели неуверенность и страх, обусловленные экономическим упадком, эпидемиями и разрушительными войнами. Именно в конце средневековья формируется представление о всемогуществе нечистой силы и ее постоянном вмешательстве в жизнь человека. В XVI—XVII вв. принципиально меняется соотношение элитарной и народной культуры: сравнительная терпимость к последней уступает место нетерпимости и преследованиям. В конце средневековья победила новая концепция ведовства: «ведьма — не просто знахарка или колдунья, знающая секреты магии, она — служанка Сатаны, которая вступила с ним в пакт и в половые сношения, по его наущению и с его помощью губит людей и их имущество» (с. 33). Исключительно интересны наблюдения о том, что «при конструировании идеи шабаша, с хороводами ведьм и ритуальным пиршеством, была использована модель народных обрядов, однако с добавлением поклонения Сатане и свального греха его участников» (там же). Автор вскрывает семиотический механизм ведовских процессов как своеобразного перевода определенных элементов народной культуры на язык демонологии. Исследование А. Я. Гуревича, вскрывающее социально-психологические основы гонения на ведьм в Европе, имеет, несомненно, и более общее значение для осмысления ведовства как существенного элемента культур традиционного типа.

Статья В. М. Живова и Б. А. Успенского «Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России» продолжает серию исследований, посвященных семиотическому анализу русской культуры, с преимущественным вниманием к соотношению церковной и светской субкультур¹. Сама идея сакрализации монарха хорошо изучена на материале архаических обществ (Фрэзер, Хокарт и др.), однако здесь она рассматривается как элемент более поздних политических и общественных движений. В первом разделе «Сакрализация монарха в контексте историко-культурного развития» рассматриваются древнерусские представления о государственной власти, предполагавшие параллелизм царя и Бога, но отнюдь не тождество между ними, и идея сакрализации монарха, сформировавшаяся в XV—XVI вв. под влиянием концепции «Москва — третий Рим». При Алексее Михайловиче эта концепция приобретает политический смысл: русский царь стремится вести себя как византийский император, что выразилось, в частности, в присвоении им ряда церковных полномочий и вызвало осуждение как со стороны старообрядцев, так и со стороны патриарха Никона. После переориентации на западные образцы при Петре I сакрализация монарха не только не ослабела, но и, наоборот, резко усилилась: было упразднено патриаршество и царь фактически стал восприниматься как глава церкви.

В разделе втором «Сакрализация монарха как семиотический процесс» рассматриваются атрибуты власти, связанные с сакральной семантикой: название царя «святым», «помазанником»

или «Христом», «земным Богом», отнесение к нему литургических текстов. В связи с перенесением на царя функций патриарха подробно освещается история обряда шествия на осляти, совершавшегося в Москве в Вербное Воскресенье. Раздел третий «Гражданский культ монарха в системе барочной культуры» построен в основном на материале одической поэзии и церковной проповеди XVIII в. То, что панегирики ставили царя рядом с Богом, вообще говоря, не свидетельствовало о его сакрализации. Однако культурный контекст позволял истолковывать подобные метафоры и буквально, т. е. как язычество и кощунство с точки зрения вероисповедного сознания.

Следует отметить, что исследование В. М. Живова и Б. А. Успенского построено исключительно на историко-филологическом материале. Интересно было бы рассмотреть под таким углом зрения иконографию и нумизматику эпохи Древней Руси, а также вещественные атрибуты царской власти. Возможно, это показало бы, что в какой-то мере сакрализацией были затронуты уже князья домонгольского периода, впрочем, это только гипотеза, нуждающаяся в проверке.

Статья С. М. Толстой посвящена проблеме соотношения христианского и народного календаря у славян, конкретнее — принципам счета и оценки дней недели. По мнению автора, славянский народный календарь является производным от канонического церковного календаря, однако в ряде отношений существенно отклоняется от него. С. М. Толстая отмечает, что в церковном календаре встречаются и недели, начинающиеся с понедельника, и недели, начинающиеся с воскресенья, что объясняет отчасти противоречия в счете дней, зафиксированном в языке и фольклоре. При оценке дней недели использовался не один какой-нибудь принцип, а их совокупность (дни мужские и женские, постные и скоромные, первые и последние, кануны праздников и т. д.). Имеются существенные различия в оценке дней недели в различных традициях внутри славянского мира.

Статья Н. И. Толстого «О природе связей бинарных противопоставлений типа *правый — левый, мужской — женский*» посвящена проблеме, которая активно разрабатывается в последние десятилетия в связи с разработкой семиотического языка описания культуры. Исследование ведется на материале сербских примет, причем выявляется как набор релевантных оппозиций, так и система отношений между ними.

Сборник завершается обширным исследованием В. Н. Топорова «Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре — svēt —». Статья состоит из двух частей: в первой рассматривается происхождение и значение корня svēt — в индоевропейских языках, во второй — формирование категории святости в Древней Руси, понятие как преобразование под влиянием христианской традиции тех языковых предпосылок, которые остались от мифопоэтической эпохи. Таким образом, первая часть статьи имеет лингвистический характер, а вторая — скорее литературоведческий, поскольку категория святости исследуется на материале «Сказания о Борисе и Глебе». Согласно реконструкции В. Н. Топорова, архаический элемент svēt — выступал среди обозначений жизненной силы, роста, плодородия и имел значение «увеличиваться», «набухать». «Эта „святость“ ... как образ предельного изобилия скорее всего и была тем субстратом, на котором сформировалось понятие „духовной“ святости...» (с. 222). Анализ «Сказания о Борисе и Глебе» позволяет наметить основные пути трансформации старой идеи: «суть изменений состоит в тройкой переориентации локуса святости — с природы на человека (и сверхчеловеческое), с материально-физического на идеально-духовное, с конкретного и зримого на абстрактное и незримое» (с. 226). По мнению автора, с дохристианским субстратом «святости» в «Сказании» и в иконописных изображениях Бориса и Глеба связаны мифопоэтические идеи парности и плодородия. Особое внимание уделяется метафорической структуре «Сказания о Борисе и Глебе». Интересны размышления автора о том типе святости, который воплощен в образах Бориса и Глеба. Хотя не все положения статьи представляются в равной степени доказательными, особенно во второй части, наличие мифопоэтического субстрата «святости», по-видимому, можно считать доказанным.

Оценивая сборник в целом, хотелось бы еще раз подчеркнуть принципиальное значение его проблематики. Работам по семиотике культуры часто ставят в вину схематизацию, огрубление материала, между тем рецензируемый сборник как раз наглядно демонстрирует, что семиотический аппарат хорошо «работает» при исследовании наиболее сложных проблем, связанных с взаимодействием культур.

А. Л. Топорков

Примечания

¹ Успенский Б. А. 1. *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286—292; 2. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201—235; Живов В. М. Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX в. // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1981. Вып. 546. С. 56—91; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 236—250; Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды отдела древнерусской лит-ры. Л., 1983. Т. 37. С. 54—78; Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 204—285.